

Дѣло о кражѣ книгъ изъ Императорской Дублич- ной библіотеки д-ромъ богословія, нѣмцемъ, Алоизіемъ Пихлеромъ.

Просматривая старые журналы и газеты для своей научной работы, я случайно наткнулся на одно уголовное дѣло—дѣло крупной важности, которое въ свое время сильно взволновало наше общество, особенно столичное, но которое оказалось для меня совершенною новостью и, думаю, окажется таковою и для многихъ, кромѣ меня. Оно тѣмъ болѣе интересно, что имѣетъ нѣкоторое отношеніе и къ переживаемому нами грозному моменту исторіи, прибавляя еще одинъ штрихъ къ достаточно уже ясно опредѣлившемуся мрачному облику „культуртрегерской“ нѣмецкой націи.

Дѣло вотъ какого рода.

Въ 1869 году прибылъ изъ Баваріи въ С.-Петербургъ капелланъ и лекторъ Мюнхенскаго университета, докторъ богословія, Алоизій Пихлеръ ¹⁾. Въ Россію онъ явился по приглашенію нашего правительства. Суть въ томъ, что Пихлеръ заявилъ себя на первыхъ порахъ своей ученой карьеры въ Мюнхенѣ, какъ солидный ученый и особенно выдвинулъ свое имя сочиненіемъ, затрагивавшимъ одинъ изъ самыхъ жгучихъ и въ настоящую пору вопросовъ—о соединеніи церквей православной и католической. Эта его работа подъ заглавіемъ. *Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient u.*

¹⁾ Въ Мюнхенскій университетъ онъ былъ приглашенъ въ качествѣ приватъ-доцента безъ жалованья.

Occident, попавшая даже въ Римскій Индексъ (списокъ запрещенныхъ книгъ). Поддерживаемый извѣстнымъ Деллингеромъ, къ школѣ котораго онъ и принадлежалъ, этотъ католическій священникъ сумѣлъ завоевать симпатіи нѣкоторыхъ правящихъ лицъ въ Россіи и такъ какъ писалъ въ духѣ православному, то русское правительство предложило ему продолжать работать въ этомъ духѣ съ обѣщаніемъ вознагражденія за его труды. Работа очевидно оплачивалась хорошо, такъ какъ въ 1871 г., когда возникло объ этомъ субъектѣ дѣло, при обыскѣ у него, сына простого столяра и прачки, буквально *нищю* студента (онъ, готовясь поступить въ университетъ по окончаніи гимназій, собиралъ милостыню), доцента безъ жалованья, чрезъ 2 года послѣ отъѣзда изъ Баваріи, было найдено 0/0 бумагъ на 10 тысячъ рублей и кромѣ того значительная сумма въ банкирской конторѣ Лампе.

Первое время послѣ завязавшихся сношеній между нимъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Пихлеръ продолжалъ работать, живя за границей и все по тому же вопросу о соединеніи церкви и въ духѣ, какъ и раньше. Затѣмъ, получивъ приглашеніе отъ русскаго правительства переселиться въ Россію, онъ рѣшилъ покинуть свой фатерландъ и ѣхать въ Петербургъ.

Но прежде, чѣмъ сдѣлать это, онъ обратился къ баварскому министру народнаго просвѣщенія съ запросомъ: дадутъ ли ему мѣсто съ жалованьемъ и какимъ? Ему отвѣтили отрицательно, и Пихлеръ въ іюлѣ 1869 года прибылъ въ Петербургъ, былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ съ жалованьемъ въ 3 тысячи рублей въ годъ и зачисленъ сверхштатнымъ бібліотекаремъ Императорской Публичной бібліотеки ¹⁾ съ правомъ безконтрольнаго пользованія книгами. Надо замѣтить, что русскаго языка Пихлеръ совершенно не понималъ. Скоро онъ однако обратилъ на себя вниманіе своимъ усердіемъ, трудолюбіемъ и полезною дѣятельностью на столько, что даже удостоился получить орденъ Станислава 2-ой степ. Тогдашній бібліотекарь, — будущій графъ Деяновъ, былъ отъ него въ восторгѣ ²⁾. Вообще, Пихлеръ принятъ былъ въ Петербургѣ съ распростертыми объятіями. Имъ интересовались и въ высшихъ сферахъ; его часто приглашала къ себѣ великая княгиня Елена Павловна. Характеренъ, по этому послѣднему поводу, слѣдующій случай.

¹⁾ Ему собственно поручалось завѣдываніе только богословскимъ отдѣломъ.

²⁾ Деяновъ былъ тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.

Однажды Цихлеръ, несмотря на приглашеніе великой княгини, не пріѣхалъ къ ней и на вопросъ, почему онъ не былъ, отвѣтилъ: потому, что за нимъ не прислали придворной кареты, а онъ не на столько богатъ, чтобы имѣть свою. И послѣ этого каждый разъ карета посылалась.

Изъ Петербурга Цихлеръ уѣзжалъ, по порученію министерства, на конгрессъ католическаго духовенства въ Римъ, т.-е. на тотъ Ватиканскій соборъ, который подтвердилъ догматъ о непогрѣшимости папской. Но все это между прочимъ. А суть дѣла этого проходимца въ томъ, что, пріѣхавъ впервые въ Петербургъ въ іюль 1869 г. и обласканный далеко выше мѣры и заслугъ, онъ уже въ августѣ того же 69 года началъ свою разрушительную работу.

Въ залы бібліотеки онъ входилъ обыкновенно въ пальто и галошахъ, ссылаясь на то, что ему якобы холодно работать. Книгъ, собственно говоря, онъ не читалъ (въ чемъ же была его заслужившая ему высокую награду полезная дѣятельность)? А только быстро просматривалъ, часто уходилъ и снова возвращался, записокъ о взятіи книгъ на домъ не оставлялъ; словомъ, велъ себя необычно и крайне подозрительно, но вѣдь онъ былъ пѣмецъ¹⁾, да еще въ какомъ фаворѣ у сильныхъ міра сего!

Все шло такимъ образомъ прекрасно для г-на Аловзія Цихлера, но однажды бібліотекаръ той же Публичной бібліотеки, т.-е. его сослуживецъ, завѣдывавшій иностраннымъ отдѣломъ, не пашелъ на полкахъ ни болѣе, ни менѣе какъ 70 томовъ Вольтера, при чемъ Вольтеръ не значился ни за кѣмъ изъ бібліотечарей, ни за читателями зала. Это смутило бібліотечаря; началась провѣрка, и скоро обнаружилась громадная и систематическая кража книгъ.

У одного изъ бібліотечарей — Соболецкова, подозрѣніе сразу пало на Цихлера. Обратились къ директору съ просьбою разрѣшить произвести у нѣмца обыскъ, но Деляновъ и слышать не хотѣлъ. У такого знаменитаго ученаго, окруженнаго ореоломъ европейской славы, и вдругъ обыскъ—это невозможно (слова графа).

Самъ Цихлеръ, какъ истый мошенникъ, принялъ дѣятельное на видъ участіе въ раскрытіи кражи. Онъ указывалъ и устно и письменно, кому считалъ нужнымъ, на „подозрительныхъ“ по его мнѣнію, читателей, шатающихся по отдѣленіямъ и рою-

¹⁾ А тогда добрая половина штата главныхъ служащихъ въ бібліотекѣ состояла изъ нѣмцевъ и вообще изъ иностранцевъ.

щихся по полкамъ“ и съ нескрываемымъ презрѣніемъ и сознаниемъ собственнаго достоинства, кинулъ разъ слѣдующую фразу самому Деянову: „такія вещи могутъ случаться только въ Россіи“.

Дѣло въ концѣ чуть было не заглохло, и Пихлеръ продолжалъ, не взирая на обнаруженіе кражи, свою „полезную“ дѣятельность, но произошелъ слѣдующій казусъ. Прорвалась труба водопровода (возопили камни), залила подвальные помѣщенія, гдѣ квартировали сторожа библиотѣки. Ихъ пришлось переселить временно въ канцелярію и библиотекари должны были приходить въ библиотеку не со двора, а съ параднаго хода мимо швейцара. И тотъ же неугомонный Соболецъ на свой рискъ и отвѣтственность отдалъ швейцару приказъ слѣдить за Пихлеромъ.

Предупредительный и вѣжливый швейцаръ, замѣтя разъ подозрительность въ одеждѣ Пихлера, кинулся къ нему съ щеткою почистить сюртукъ и, какъ ни увертывался нѣмецъ, дотронулся до его спины. Ощупавъ тамъ книгу, онъ закричалъ въ канцелярію. Явился Соболецъ, помощникъ директора Бычковъ, завѣдующій хозяйственною частію Плетеневъ, и изъ-подъ сюртука Пихлера изъ особо устроеннаго мѣшка былъ извлеченъ толстый фоліантъ средневѣковаго изданія твореній св. Амвросія. Все стало ясно.

Но Пихлеръ мгновенно овладѣлъ собою и сказалъ, что онъ, будучи разъ задержанъ сторожемъ съ нужной ему книгой, рѣшилъ, во избѣжаніе такихъ пренятствій, проносить для своихъ занятій книги скрытно.

— Но вѣдь правила библиотѣки запрещаютъ безусловно скрытный проносъ книгъ, возразилъ Соболецъ. На это Пихлеръ не нашелъ ничего лучшаго сказать, какъ то, что онъ не знаетъ всѣхъ правилъ библиотѣки (хотя самъ участвовалъ въ конференціи по поводу выработки этихъ правилъ), да и вообще ему, какъ ученому и библиотекарю, неудобно выполнять всѣ эти правила.

— Но, скажите, сколько у васъ книгъ? допрашивали его. Книгъ 100 будетъ?

На это онъ негодующе отвѣчалъ, что у него всего 5—6 книгъ.

Отправились въ его квартиру на Б. Конюшенную. Взопли. Пихлеръ съ первыхъ словъ заявилъ, что хотя въ его квартирѣ и нѣсколько комнатъ, но онъ живетъ въ одной; остальные холодны, пусты и заперты.

Въ первой комнатѣ на стлахъ, дѣйствительно, было найдено

только 5—6 книгъ, но, когда отворили книжныя шкапы, то въ немъ оказалось до 100 книгъ изъ библіотеки. Заглянули во 2-ю комнату, которая не была пуста, и нашли книгъ 200; въ 3-й комнатѣ, дѣйствительно пустой, изумленнымъ взорамъ библіотекарей представились груды книгъ до 2 аршинъ высоты, лежавшія вдоль стѣнъ комнаты въ полномъ безпорядкѣ. Тутъ среди книгъ были и роскошные фаліанты, дорогія изданія: между ними найдено одно хранившееся въ запертой витринѣ. Эта книга была въ великолѣпномъ переплетѣ съ серебряными украшеніями, которыя оказались сорванными и куда-то сбыты. Штемпеля и орлы библіотечныя на книгахъ оказались тщательно вытравленными, даже на переплетахъ сорваны этикетки, а взамѣнъ ихъ наклеены ярлыки съ надписью: *Ex bibliotheca Pichleriana*.

Позвали полицію; составили протоколъ. По описи найдено было всего 4.372 книги. Часть ихъ была сложена въ ящики тщательно и крѣпко забита. Видимо, ихъ собирались отправить за границу.

Тутъ къ дѣлу примѣшалась и проживавшая съ Пихлеромъ его двоюродная сестра. Кресценція Виммеръ, которая, заявила, что подкабливала и заклеивала книги она безъ вѣдома Пихлера, желая привести въ порядокъ книги, которыя она считала принадлежащими брату и что, когда послѣдній увидѣлъ ея работу, то былъ въ отчаяніи отъ ея непрошеннаго усердія.

Но сдѣлавъ такое заявленіе, явно неправдоподобное, она, тотчасъ же по окончаніи обыска, просила свою сосѣдку по квартирѣ сходить за извозчикомъ, чтобы свезти ящики на Варшавскій вокзалъ, и только полиція воспрепятствовала этому. Книги, найденныя въ квартирѣ Пихлера, понятно, были водворены обратно въ библіотеку, но значительная ихъ часть, несомнѣнно, была уже раньше отправлена за границу, и судьба ихъ неизвѣстна. Цифра краденыхъ сокровищъ библіотеки въ общемъ до 60 тысячъ рублей.

Произведеннымъ 13 марта того же года вторымъ обыскомъ были найдены сюртукъ съ особымъ мѣшкомъ на спинѣ и 229 карточекъ алфавитнаго каталога библіотеки. Такимъ образомъ Пихлеръ похищалъ не только книги, но и карточки, затрудняя тѣмъ дѣло раскрытія кражи въ подробностяхъ и заматая слѣды. Не имѣя карточки, обнаружить пропажу книги можно было только на основаніи инвентарныхъ погодныхъ или годовыхъ записей, что въ то время представляло громадную трудность.

5 марта Пихлеръ далъ слѣдующее показаніе на нѣмецкомъ языкѣ.

Его превосходительству, господину статсъ-секретарю директору Императорской публичной библіотеки, тайному совѣтнику всепреданнѣйшее прошеніе. Нижеподписавшійся приноситъ горестное добровольное сознаніе, что онъ, въ качествѣ библіотекаря, тайно взялъ домой, болѣе 4½ тысячъ книгъ и на большей части ихъ уничтожилъ библіотечные знаки. Дѣлая это чистосердечное сознаніе вины, онъ проситъ не передавать это дѣло въ судъ, а дозволить ему безпрепятственный выѣздъ за границу. С.-Петербургъ, 5/17 марта, 1871 г. докторъ Пихлеръ. И онъ, видимо, былъ увѣренъ, что этимъ дѣло и кончится и имѣлъ основанія надѣяться на это.

Недаромъ ходили злые слухи, что въ свое сознаніе и прошеніе на имя Деянова онъ приписалъ знаменательную по наглости фразу, что обязуется за это (за избѣжаніе суда) никакихъ претензій къ русскому правительству не имѣть.

Хотя документально помѣщенія имъ этой приписки доказать нельзя, но невольно вспоминается по этому поводу итальянская поговорка: *si non e vero, e ben trovato*.

Извѣстный своимъ либерализмомъ и прямолинейностью тогдашній „Голосъ“ сильнѣе другихъ органовъ печати реагировалъ по поводу этого возмутительнаго казуса, подчеркивая нѣмецкое происхожденіе Пихлера, чѣмъ вызвалъ остервенѣлую и своеобразную, чтобы не сказать болѣе, отповѣдь тогдашней Петербургской нѣмецкой газеты, которая писала между проч. по этому поводу: мы слышали, что Пихлеръ едва-ли можетъ считаться нѣмцемъ, хотя онъ родомъ изъ Германіи и носить нѣмецкое имя (?!), и травила эту русскую газету, обвиняя ее въ возбужденіи ненависти національной.

Пихлеръ не миновалъ суда, какъ ни отвертывался отъ него. Этотъ судъ надъ нимъ состоялся въ Петербургѣ 24 іюня 1871 г.

Къ засѣданію прибыли великіе князья Константинъ Николаевичъ и Николай Константиновичъ въ сопровожденіи управляющаго министерствомъ юстиціи Эссеномъ, предсѣдательствовалъ И. И. Шамшевъ; обвинялъ тов. прок. О. А. Кобылинъ; гражд. истцомъ со стороны библіотеки выступалъ В. Н. Стасовъ; защищалъ извѣстный юристъ К. К. Арсеньевъ, привлечена была и сестра Пихлера. Присяжные оправдали ее, какъ дѣйствовавшую подъ вліяніемъ послѣдняго.

Арсеньевъ говорилъ 2½ часа. Онъ рисовалъ его больнымъ такъ называемою библіоклептоманіей.

Пихлеръ былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ по лишеніи особыхъ правъ и преимуществъ къ ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію.

Но Тобольской губ. онъ не увидалъ. По ходатайству баварскаго правительства, онъ былъ возвращенъ съ дороги и высланъ за границу.

О дальнѣйшей его судьбѣ и концѣ жизни бесѣду откладываемъ.

Н. А. Соловьевъ.

